

Глава 190.

Сидя в безнадежном отчаянии, Сяо Хуолонг работал над своими привязями, глядя на окружающих охранников и давясь кляпом. Эта глупая сука Шрайк, ее репутация была никчемна, как член евнуха. Устроив засаду на майора, отослав своих Претендентов, она позволила солдатам, ведомым детьми, догнать ее, даже бросив его в спешке, чтобы убежать, - все это было безудержной катастрофой эпических масштабов. Женщина не может управлять стаей шлюх, тем более воинами.

С другой стороны, когда она говорила о Рейне, в ее глазах светилось тихое отчаяние. Никаких признаков присутствия духов внутри нее, как могли бы предположить другие, но это только означало, что с ней что-то не так. Легкость, с которой она приняла его обвинения, удивила его, но он был не в том положении, чтобы сомневаться в своей удаче. Теперь ему было не лучше, чем раньше, он все еще находился в руках врага, беспомощно ожидая смерти. По крайней мере, он надеялся, что его смерть будет чистой, без всех неприятных пыток и церемоний, в которых так любили принимать участие Претенденты.

Солдаты вошли в лагерь, и у Хуолонга свело живот, когда он узнал лошадей Шрайк и понял, что надежды на спасение больше нет, какой бы хрупкой эта надежда ни была. Шрайк нуждалась в нем, но эти отродья, скорее всего, убьют его сразу же. На самом деле, он надеялся, что они сделают это в ближайшее время, вместо того, чтобы использовать его как инструмент для оттачивания своих навыков, в надежде укрепить свою репутацию.

Смирившись со своей судьбой, Хуолонг сторбился и ждал, изображая, как он надеялся, спокойное и невозмутимое поведение, в то же время внутренне оплакивая свою судьбу, делая все возможное, чтобы игнорировать духов и их шепот сдать. В последнее время они молчали, чувствуя его волнение и недовольство, но теперь вернулись в полную силу, обещая власть, если он только примет ее.

Бормочущие ублюдки, они появлялись только в самые мрачные моменты, надеясь соблазнить его танцевать под их дудку. Слишком заняты своими "избранными", у них не было времени на Смеющегося Дракона, верующего десятилетиями. Его самообладание и дисциплина наполнили их неодобрением, и они предпочли безудержную преданность Джена, но чего они ожидали? У Смеющегося Дракона не было армии верующих, чтобы защитить его от гнева врага, только несколько дюжин головешек, которые пали ради него.

И все потому, что духи не смогли даровать ему силу и покинули его в трудную минуту.

Задыхаясь от бессилия и сожалений, он смотрел, как с лошади снимали падающего Рейна, а некомпетентный дурак был все еще без сознания. Еще один из избранных Духами, сила мальчишки наполнила Хуолонга завистью. Чего не хватает Смеющемуся Дракону?

Целитель приступил к работе над некогда невежественным Просветленным, и надежды Хуолонга были воскрешены, он почувствовал, что духи все еще присутствуют в мальчике. Возможно, теперь, зная, что с ним, мальчик захочет наставника, учителя, кого-то, кто укажет ему путь. Если бы только он мог поговорить с Рейном наедине, поделиться своим опытом сокрытия своей истинной природы и борьбы с желаниями. Возможно, еще оставалась надежда. Все, что ему нужно было сделать, это убедить Рейна, что рядом с ним есть место. Они могли бы объявить всем, что Смеющийся Дракон используется, чтобы искоренить "Оскверненных", что он инструмент в битве против "врага", как планировала Шрайк. А вместо этого они будут собирать Просветленных на свою сторону, выжидая удобный момент, чтобы нанести удар и свергнуть Империю.

Примерно через час из своего сна проснулся Рейн. Никаких улыбок или приветствий, просто кивал в знак благодарности другим офицерам, пожимая руки и отдавая честь, играя свою роль в совершенстве. Да, мальчик, проложи себе путь к их дружелюбности, выведи эти юные таланты на свет. Перед ним лежал чудесный путь героя Империи, готового принести в мир великие перемены.

Как славно было бы иметь свое собственное имя, Сяо Хуолонг, эхо в вечности. Теперь он представлял, как история с любовью вспоминает Смеющегося Дракона, человека, который сделал все это возможным. Человек, который привел молодой талант к свержению императора-пса и его языческих последователей, изгнав Мать и ее верующих из страны. Жадно жуя кляп, он выжидающе смотрел на Рейна, почтительно, но непоколебимо, с уважением, но гордо.

Склонившись над ним, Рейн равнодушно наблюдала за происходящим.

— Почему эта грязь еще жива?

Одним предложением раздавил все надежды и чаяния Хуолонга. Ответил один щенок, пижон в шелковых доспехах.

— Ну, я хотел узнать ваше мнение. После того, как все эти невинные умерли во время Чистки, это кажется медвежьей услугой позволить этому умереть легко, но зная ваше отвращение к пыткам... — Щенок пожал плечами. — Тебе решать, как он умрет.

— Я не стану пачкать руки, мучая его.

— Вам и не придется. У моего слуги много талантов. Он занимался ... казнью Дюгу Рена...

— Понятно. — Янтарные глаза Рейна пронзили Хуолонга без малейшей жалости. Опустившись на колени, он вытащил кляп и усмехнулся, внутри него горел гнев. Скорее всего, безжалостный к "Оскверненным", мальчик будет своим путем и не потрудится спасти простого Смеющегося Дракона. — Из-за тебя тысячи людей погибли ужасной смертью, и это не только твоя вина, но сколько людей умерло от твоих рук подобным образом?

— Больше, чем я могу сосчитать, — честно ответил он, не в силах сдержаться. — Я занимаюсь этим десятилетиями и не могу вспомнить всех. Едва помню тех из деревни, где я тебя нашел.

— Ты мне отвратителен, и мне больно, что у нас нет времени и инструментов, чтобы должным образом "вознаградить" тебя. — Рейн встал и повернулась к пижону: — Пусть этим займется твой слуга, но попроси его держать язык за зубами. Остальным нужно поспать, у нас впереди долгий день. Есть еще Оскверненные, которых нужно убить, и я не остановлюсь, пока Провинция не очистится от их грязи.

Его тело стало слабым, Хуолонг позволил себя утащить, не обращая внимания на лихорадочные призывы духов, которые все еще пытались убедить его сдаться. Он не был дураком, он знал, что последует просто смерть в другой форме, его переселение - не более чем уловка, чтобы поддержать репутацию Рейна. К черту духов и их дело, по крайней мере, так он умрет как Сяо Хуолонг, Смеющийся Дракон.

Этого должно быть достаточно.

Когда ничем не примечательный палач вставил в рот Хуолонга воронку и поднял котелок с кипятком, он понял, что этого не достаточно, и испустил свой первый и последний крик за ночь.

*****

Стоя в коридоре, Чарок проглотил страх и успокоил свои нервы медленным выжогом. Он знал, что это будет нелегко, но по прибытии обнаружил, что его ноги превратились в дрожащее железо, отказывающиеся сдвинуться с места, так как он представил все ужасы, ожидающие его по ту сторону двери. С каждым днем настроение на Стене становилось все мрачнее по мере роста потерь. Хотя люди, жившие здесь, были выносливыми людьми, хорошо разбирающимися в трудностях и привыкшие к трауру, немногие переживали такие тяжелые времена. С нескольких наблюдательных пунктов можно было видеть бесчисленную орду Оскверненных, разбивших лагерь за Стенами, головокружительное зрелище даже для такого опытного воина, как Чарок. Потеря генерал-майора, четырех бригадиров и одиннадцати полковников за одну ночь была горькой пилюлей, которую следовало проглотить, и это даже не упоминая о самой большой потере.

Не только Мост, но и большинство людей, живущих в Провинции, никогда не знали времени без непреклонного Ниана Зу, стоящего на страже, заботящегося о них со своей знаменитой булавой, готовой сразить любого Оскверненного, который попытается пройти. От его единоличной защиты восточных ворот в качестве скромного капитана, до его отчаянной попытки вернуть внешние Стены после ужасной смерти бывшего командира, истории о доблести Ниан Зу быстро стали легендами, поскольку его подвиги распространялись с помощью песен и поэм.

Все, от скромных слуг до закаленных ветеранов, были обескуражены отсутствием своего непобедимого опекуна. Когда остатки его разрушенного поместья оказались на виду, вера людей в своего знаменитого героя ослабла, большинство поверило, что он мертв или еще хуже. Темная туча нависла над городом, когда языки зашептались о том, чтобы покинуть Стену и бежать в безопасное место, хотя вопрос о том, где можно найти безопасное место, был спорным. Отказ Цзя Яна успокоить массы только разжигал сплетни, и если спросить простого человека, Мост был обречен на падение. Нужно было что-то делать, что-то, что переломит ситуацию и поднимет настроение, и Чарок точно знал, что именно.

Он просто хотел, чтобы кто-нибудь другой сделал это вместо него.

Увы, больше никто не мог, поэтому он вытер пот и собрался с духом, прежде чем сделать последний шаг и предстать перед тестем. Для Альсансет Баатар навсегда останется ее отцом, милым, кротким человеком, который корчил глупые рожи и рассказывал ей сказки на ночь, выполняя каждую ее прихоть. Для Чарока Баатар всегда будет железным капитаном, суровым, неодобрительным, несравненным воином, которого нужно было эмоционально шантажировать, чтобы он принял их брак. Неважно, Баатар был человеком, уважающим силу, и пока Чарок проявляет силу, его доводы будут услышаны.

Дважды постучав в массивную дубовую дверь, он вздрогнул, почувствовав критику за свой тихий стук. Слабый и неполноценный, недостойный воина, но стучать снова было бы невежливо, поэтому он остановил руку и закрыл глаза, смиренно ожидая разрешения войти. Задержав дыхание, пока тянулись секунды, Чарок представил себе, как все может пойти не так, его последние нервы были на пределе, когда он пытался встать на место, мысль о побеге была на переднем плане его сознания. Никто не узнает, даже слуги не остались, все отосланы, чтобы уединиться в это трудное время. Только усталая улыбка Альсансет удерживала его здесь, измученная защитой Провинции, которая считала ее чуть более чем собственностью, если бы не ее боевая доблесть. Смешно то, как она рисковала жизнью, защищая этих неблагодарных, но когда выбор был между высокомерными болванами и убийцами,

Оскверненными, это не было трудным выбором.

Он никогда не поймет ее любви к битве, но принимал ее как часть себя, желая быть счастливым, сражаясь рядом с ней, но жизнь наемника делала его несчастным, и она это знала. Они решили попробовать жить так, как жили ее родители: он оставался дома, пока она полгода путешествовала по миру, а зимой возвращалась к нему. Теперь он знал, что это не сработает, ожидание сделало его более несчастным, чем любая битва.

Вернувшись в настоящее, он понял, что ждал несколько минут, или почти ждал. Нахмурившись, он постучал снова, на этот раз с глухим стуком, понял свою ошибку и помолился, чтобы не прервать сон Баатара. В ужасе он снова подумал об отступлении, но было уже поздно. Усталый голос позвал:

— Войдите —, и чарок не смог ничего сделать, кроме как подчиниться, робко открыв дверь, несмотря на свои прежние планы быть сильным. Чарок заметил, как на лице Баатара промелькнуло разочарование, быстро скрытое его обычной стальной нейтральностью. — А, это ты. Девочка уже в пути?

— Ах нет, это ... э-э ... только я. Альсансет находится дома, отдыхает. С близнецами. — Не заикайся, Баатар ненавидит это. — Она ... э-э ... она устала от борьбы. Защищая Стену, — поправил он, как будто это нужно было прояснить. — Я принес еду. — Делай более очевидные заявления, дурак. — Рис и мясо для вас, и куриный суп с имбирем для Саранай.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Чарок поставил еду на тумбочку и сел, молча ожидая, пока Баатар осторожно усадит Саарнай, держа ее на руках. С предельной осторожностью Баатар подул на суп и медленно положил ложку ей в рот - образ послушного мужа, заботящегося о своей жене. Воспользовавшись передышкой, чтобы собраться с мыслями, Чарок изучал Грозного Баатара, и только сейчас заметил, каким изможденным и подавленным выглядел старый воин. Темные круги прорезали кожу вокруг глаз, а на лбу за ночь появились морщинки. Его обычной уверенности нигде не было, отчаяние Баатара причиняло боль, когда он шептал что-то сладкое своей жене в коме. Его волчьи уши, обычно прямые и заостренные, прижимались к голове, когда он сидел, ссутулив плечи и опустив глаза, Баатар, казалось, постарел на десять лет всего за несколько дней и уменьшился от горя.

Вся сцена была настолько интимной, что казалось неправильным вмешиваться, и Чарок отвернулся, чтобы оставить немного уединения. Его сердце сжалось в груди, он смотрел в окно и лениво думал, как бы он жил на месте Баатара. Плохо, решил он. Какое жестокое испытание приготовила для Баатара Мать, видеть любовь всей его жизни здоровой и невредимой, теплой на ощупь и дышащей, как во сне, но чтобы сказали, что она никогда больше не проснется, что искра внутри, которая делала ее человеком, жестоко погасла, и остается только ее тело. Здесь надежда была не более чем ложным обещанием, заманивавшим Баатара все глубже в пучину отчаяния, когда он заботился о живом трупце и молился о чуде.

Незавидная ситуация.

— Спасибо за еду, но тебе не нужно оставаться. — прозвучал грубый голос Баатара, отрывая Чарока от его мечтаний. Поправив одеяла жены, старый воин продолжал, не глядя на него: — Мне не нужна няня. Если девочка так беспокоится за мое здоровье, она может прийти и сама.

— Она не отправляла меня сюда. — Его слова были ошибкой, Баатар пошатнулся, словно его ударили. Вздохнув, он рухнул в кресло и покачал головой, не сводя глаз с жены. Они снова погрузились в молчание, прошло несколько минут, прежде чем Чарок наконец набрался

смелости заговорить снова. — Нужно что-то делать.

Еще одна ошибка, которую он осознал слишком поздно, когда оказался в воздухе, Баатар свирепо зарычал, его пальцы сомкнулись на горле Чарока.

— Никто не причинит ей вреда, пока я еще дышу. В этом я клянусь.

Единственным ответом было сдавленное бульканье, Чарок был не способен вырваться из крепкой хватки Баатара. В ледяных глазах Баатара мелькнуло понимание, быстро сменившееся паникой и раскаянием, когда он отпустил Чарока.

— Мои извинения, — пробормотал он, поправляя одежду Чарока. — Я потерял голову. Ты ведь говорил не о Саранай?

Откашливаясь и массируя горло, Чарок покачал головой, покраснев от напряжения и стыда. Хотя прошли годы с тех пор, как он покинул Знамя, он глупо полагал, что его сила выросла за последние годы, его контроль над Ци росла как на дрожжах. До Баатара он был таким же глупым, как ребенок, и не мог сопротивляться ни малейшему желанию.

— Я имел в виду Стену. — Выпрямившись, он заставил себя смотреть Баатару в глаза, не дрогнув. — Если вы отказались от защиты Провинции, то должны отдать приказ отступить.

— Я не сдаюсь. — Рычание вернулось, волк набросился на него и рухнул обратно в кресло, полный ярости и печали, словно зверь в клетке, готовый наброситься на него. — Я думал обо всех людях, которых ты знаешь. У меня есть более важные дела, Саранай нуждается во мне, и Стена выдержит мое отсутствие. Даже с Цзя Яном у руля, офицеры на Стене имеют многолетний опыт службы под руководством Ниан Зу. Хорошие люди ведут хороших солдат, они будут держаться, что бы ни делал этот шут.

Понимание осенило его, когда он увидел, как Баатар отмахнулся от реальности взмахом руки.

— Тебе никто не сказал? Тен Вэй Шэн мертв, а с ним и весь его офицерский состав. Совет Хань Бохая откровенно игнорируется, и его войска отправляют в резерв, чтобы Цзя Ян мог претендовать на всю славу. Битва идет плохо. За последний день Оскверненные почти трижды взяли Стены, и каждый солдат был призван к действию, поскольку враг продолжает атаку, не ослабевая день и ночь. Они пытаются истощить наши силы и сокрушить нас, прежде чем послать волну Демонов, десятки из которых собрались на горизонте, наполняя солдат отчаянием. Ваша дочь на вашей стороне не из-за отсутствия сочувствия, а потому, что она отчаянно борется день и ночь, сдерживая прилив, который угрожает сокрушить всех нас.

Нахмурившись, Баатар еще глубже откинулся на спинку стула и с явной неохотой взглянул на жену.

— Трижды? Неужели все так плохо? Почему Гурда не взяла дело в свои руки, она не менее способный командир, чем я.

— Гурда предложила Альсансет приказать эвакуироваться, но ваша дочь не желает покидать свой пост. — Чарок воздержался от замечания, что Баатар бросил его первым и как несправедливо с его стороны сваливать на нее свою ношу. — Может, она и талантлива, но она не такая, как вы, лидер солдат. Она дуэлянт, одинокий воин, не привыкшая сотрудничать с партнером, не говоря уже о координации десятков тысяч войск. Да, вы потеряли жену, но она потеряла мать, и все же она борется. Она сражается за честь своего отца, а не за свою собственную, занимая твое место в твое отсутствие, надеясь увидеть, как ваши мечты

осуществятся. Положите конец своему трауру, или, по крайней мере, отложите его на время. Вы должны принять командование и быть героем, которым она вас считает.

Подняв руку, Баатар опустил голову и закрыл глаза. После долгих минут, он сел и снова взял руку Саранай, игнорируя Чарока гробовым молчанием. Едва он собрался сделать еще одну попытку, как раздался стук в дверь, и в комнату ворвались трое слуг, а Баатар, надевая доспехи, принялся перечислять инструкции по уходу за Саранай.

Гордость переполняла Чарока, и он последовал за Баатаром к конюшне, где стояли запряженные и готовые к бою лошади. Когда они подъехали к Стене, к ним вскоре присоединился эскорт Стражей, среди которых была и Альсансет, ее улыбка больше не была усталой и покорной, а была сияющей и полной надежды, она сжала его руку в молчаливой благодарности. Их эскорт увеличился в размерах, когда к ним присоединился Хань Бохай, великолепное зрелище, генерал-майор Баатар ехал по улицам, выпрямив спину и подняв плечи, готовый, наконец, помочь в обороне. Хотя уже наступила ночь, их процессия не осталась незамеченной, многие горожане все еще бодрствовали, не в силах заснуть от страха и трепета. Их приветствовали приглушенные приветствия и сдержанный оптимизм, само присутствие Баатара внушало уверенность, его недавние подвиги не были незамечены по сравнению с ранней карьерой Ниана Зу. Избранный преемник Ниана Зу, наконец-то здесь, чтобы спасти положение.

Звуки битвы становились все отчетливее по мере того, как они поднимались по лестнице, минуя непрерывный поток убитых и раненых, стекающий к хосписам. Само присутствие Баатара воодушевляло их, солдаты отдавали ему честь, их глаза горели надеждой и честолюбием, они были уверены, что он приведет их к победе. Это был его путь, прирожденный вождь людей, Железный командир Баатар.

Когда Баатар ворвался в комнату для совещаний, Чарок был в восторге от противоречивого взгляда Ситу Цзя Яна, упрямого дурака, не знающего, смеяться ему или плакать. К счастью, Цзя Ян знал, что ситуация отчаянная, и, принимая помощь, ограничился простым упреком.

— Как удачно, что Волк Кровавый-Клык наконец удостоил нас своим присутствием. Вы оценили ситуацию, как я понял? Предложения?

Выпрямившись Баатар был блистательным героем в серебристом и черном доспехах.

— Как командир Стены, выполняйте мой приказ: отзовите отступление. Эвакуируйте граждан.

В комнате воцарилась тишина, ни один человек не осмеливался вздохнуть.

Возможно, размышлял Чарок, наблюдая, как отчаяние грозит овладеть его женой, было бы лучше оставить спящих собак в покое.